

Б.Н. Кашиников

Теория справедливой войны: критика основных начал

Кашиников Борис Николаевич – доктор философских наук, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная д. 21/4; e-mail: bkashnikov@hse.ru

Статья содержит исследование и критику основных положений современной теории справедливой войны. Эти положения имеют культурно специфический характер и не обладают необходимыми признаками универсальности этической теории. Основные тезисы статьи заключаются в следующем:

Современная война не может быть войной справедливой, но может быть войной относительно оправданной.

Современная теория справедливой войны основана на имплицитном концепте общей справедливости, который по определению предполагает агрессию и вмешательство в дела суверенных государств.

Теория справедливой войны представляет собой не самостоятельную нормативную концепцию, но эклектический гибрид пацифизма и милитаризма, со всеми признаками «излишней сущности».

Единственное возможное оправдание современной войны может быть связано с необходимой самообороной. Хотя и такая война несправедлива.

Ключевые слова: война, теория справедливой войны, Уолцер, справедливость, милитаризм, пацифизм

Возрождение теории справедливой войны в конце 60-х годов XX в. в США было связано со стремлением найти объективные моральные критерии оценки правильности и неправильности применения вооруженной силы. Непосредственной побудительной причиной тому были, очевидно, многие несправедливые войны США. Один из основателей теории, Майкл Уолцер¹, внес заметный

¹ Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. New York, 1977.

вклад в движение против войны во Вьетнаме. Теория справедливой войны возникла первоначально на гребне протеста против этой войны, но не против войны вообще, поскольку тот же самый Уолцер был горячим сторонником войн, которые вел Израиль против арабов. Интерес к теории справедливой войны мог исходить одновременно как от тех, кто стремился ограничить войну, так и от тех, кто стремился ее оправдать посредством придания статуса справедливости. У непредубежденного наблюдателя, не искушенного в тонкостях этической мысли, не может не вызывать подозрение та легкость, с которой теория справедливой войны выносит свой умозрительный приговор. Оценки справедливости или несправедливости войны приобретают характер полярной противоположности у разных авторов, использующих одни и те же принципы, и теоретический компромисс между ними невозможен. Если этическая теория не спасает нас от непредсказуемости и произвола в вопросах войны и мира, то нужна ли теория? Здоровый скепсис в отношении справедливости войны является, пожалуй, более надежной преградой развязыванию войны, чем претендующая на объективность, но непредсказуемая теория. Уже по этой причине мы вправе поставить практический вопрос: а нужна ли нам теория справедливой войны, если ее последствия ничем не лучше чем отсутствие теории. Это сомнение, как я мог убедиться, возникает у многих, кто обращается к теории справедливой войны. Ниже я попробую проверить основательность этих естественных интуитивных сомнений.

Нормативность теории и нормативность языка

Другое сомнение идет не от теории, но от самой справедливой войны. Причина, которая заставляет многих из нас воспринимать с недоверием словосочетание «справедливая война» заключена в языке. В русском языке термин «справедливость» плохо спрягается с термином война. Война не есть инструмент справедливости, а справедливость не может быть целью войны. Это представление мы извлекаем из смыслов слов, в которых заключена своя этика, воззрения на войну и справедливость. В других языках и культурах дело может обстоять иначе. В России большинство людей убеждены, что война не может быть справедливой, представляет собой такое безмерное зло, которое не покрывается никакими соображениями справедливости. Ведущее нормативное представление о войне, получившее закрепление в языковой традиции России, исходит из убеждения, что зло войны не искупается ее благами². Это не означает, однако, что война не может быть оправданной. Но при всем этом она остается несправедливой. Незаметная в английском языке грань

² Этот вывод представляет собой результат моего опыта чтения лекций о войне в России, Европе, США и Средней Азии. В США, Средней Азии и многих частях Европы «справедливую войну» воспринимают как нечто само собой разумеющееся. В России и Германии, использование понятия «справедливость» в отношении войны вызывает протесты слушателей, в то время как «оправданная война» нареканий не вызывает. В настоящей статье я защищаю и поддерживаю эту ценностную интуицию, выраженную в языке. Может быть прав Хайдеггер, полагавший что немецкий и русский языки ближе к бытию.

между войной оправданной и войной справедливой в русском языке остается явной. Справедливой войны не может быть в принципе. Разумеется, язык меняется, меняются смыслы слов и их сочетаний. В этой связи следует упомянуть об известной ловушке языка. В качестве референтного языка в аналитической традиции берется английский язык, который часто вкладывает иные смыслы в войну, справедливость и теорию, чем другие языки. Для того, чтобы дать оценку современной теории справедливой войны, нам нужно будет обратиться к более глубоким смысловым пластам, к интуитивным и неосознаваемым основаниям теории справедливой войны. Эти основания я условно разделяю на три группы и обозначаю как интуиции справедливости, войны и теории. Эти некритически воспринимаемые интуитивные основания и приводят к нормативно-теоретическому образованию под названием «теория справедливой войны». Моя критика сводится к утверждению, что основания являются недостаточно основательными, а сама теория излишней и пустой. Замечу, что речь идет только о современной, вульгаризированной, теории справедливой войны, а не о классической доктрине от Августина до Гроция.

Справедливость

Рассмотрим теперь, что понимается под справедливостью в теориях справедливой войны. Если мы подвергнем эти воззрения анализу, то обнаружим, что в действительности под справедливостью понимаются очень разные вещи, иногда не имеющие к справедливости явного отношения. Причина такого положения дел проста. Теория влечет за собой груз традиции, которая обычно не оценивается критически и принимается как должное, по той причине, что освящена самой же традицией. Современная теория справедливой войны паразитирует на традиции, не вдаваясь в ее смыслы и суть. Основу теории составляют так называемые «принципы справедливой войны», заимствованные из традиционной доктрины. Речь идет о шести принципах справедливости войны, *Jus ad Bellum*³, и двух принципах справедливости в войне *Jus in Bello*⁴. По сути дела в любой современной теории справедливой войны под справедливостью понимают соответствие неких военных действий абстрактному набору принципов *Jus in Bello* и *Jus ad Bellum*. Само по себе это очень сомнительно. Может ли пыльный исторический мешок принципов считаться воплощением справедливости? Поскольку каждый из принципов может исходить из разной метафизики справедливости, необходимо узнать, что вообще может пониматься под справедливостью, принципами справедливой войны. Здесь не так много возможностей, чтобы их нельзя было перечислить.

Под справедливостью войны может пониматься нечто называемое Аристотелем «общая справедливость». Эту разновидность справедливости Аристотель, по всей вероятности заимствовал у Платона, поскольку именно эта

³ Правое дело, законная власть, добрые намерения, соразмерность, крайнее средство, разумные шансы на победу.

⁴ Пропорциональность и различие.

разновидность наиболее полно соответствует духу платоновской философии. Под общей справедливостью следует в этом случае понимать самую общую концепцию общественного взаимодействия, имеющую умозрительный характер. Общая справедливость – это справедливость социальной идеи или общественного смысла, который лежит в основании общественного устройства и его во многом определяет. Такой интерпретации аристотелевского термина общей справедливости придерживается А.А. Гусейнов. «Общая справедливость отвечает на вопросы о предназначении и смысле совместного, объединенного, социально упорядоченного существования в обществе и государстве»⁵. Подобным образом понимаемая общая справедливость несет в себе потенциал изрядного насилия в том случае, если общество окажется неспособно воспринимать идею, которую ему хотят навязать рьяные последователи этой идеи. Концепты общей справедливости могут различаться по степени имплицитного насилия необходимого для его воплощения. Коммунистическая идея была неразрывно связана с насилием. Либеральная идея, возможно, требует меньше насилия, если только она не превращается в либеральную глобальную идею, которую отдельные просвещенные народы возьмутся навязывать другим с применением силы, что ныне и происходит посредством справедливой войны. Войны нередко ведутся с целью осуществления общей или концептуальной справедливости мирового или национального порядка. Такая справедливость совпадает с идеологией, которая понимается как воплощение справедливости. Если речь идет о войне, подобная справедливость есть справедливость крестовых походов, джихада или войн по утверждению либеральных режимов.

У Аристотеля мы также находим иное концептуальное понимание справедливости. То, что он определяет как «частная справедливость». Гусейнов интерпретирует ее как «нравственно санкционированную соразмерность в распределении благ и зол, их взаимном обмене и воздаянии за проявление субъектами тех или иных свойств в обществе»⁶. Аристотель обнаружил в частной справедливости две разновидности: дистрибутивная и ретрибутивная. Разумеется, война никак не может быть связана с первым, но имеет заметное отношение ко второму. Она может пониматься почти исключительно как наказание или возмездие. Именно так она и понималась почти исключительно в традиционной доктрине. Можно сказать, что традиционная теория справедливой войны это главным образом теория возмездия каждому суверену за грехи его.

⁵ Гусейнов А.А. Справедливость // Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 457.

⁶ Там же. Бьюкенен в своей моральной теории международного права понимает такую справедливость как справедливость «обоюдную» в том смысле, что под справедливостью в международных делах часто понимается не некий абстрактный идеологический принцип, который по определению не может быть разделяем всеми, но достигнутые посредством негласного соглашения правила взаимодействия. Эту справедливость он противопоставляет «субъектно-центрированной справедливости», которая вполне соответствует аристотелевской «общей справедливости». Buchanan A. Justice as Reciprocity Versus Subject-Centered Justice. *Philosophy and Public Affairs*. 1990. № 19. P. 227–252. Для нас важно подчеркнуть то обстоятельство, что различие между двумя разновидностями справедливости, неважно как их назвать и с чем соотнести, отчетливо понимается в философии международного права.

Такой она предстает перед нами уже у Августина, хотя и с изъятиями в пользу крестовых походов, а для Гроция война не является ничем иным, кроме как естественным наказанием за нарушение нерушимого принципа естественного права взаимодействия и добропорядочности, которого обязан придерживаться даже сам Бог. В современной теории справедливой войны произошла подмена понятий. Теория, которая создавалась для частной справедливости, стала применяться для нужд общей справедливости создания и поддержания общего для всех либерального порядка и в этом смысле восторжествовала теневая сторона концепции Августина – оправдание крестовых походов.

Наряду с общей и частной справедливостью существует их формальная сторона. Аристотель нигде не дает специальной характеристики формальной справедливости, хотя ее существование никак не противоречит всем его прочим характеристикам. Зато эта разновидность справедливости получила очень полные и значительные описания в труде Джона Ролза «Теория справедливости»⁷. Ролз понимал формальную справедливость как одно из свойств, присущих как общей, так и частной справедливости – свойство регулярности. Неважно, справедливы или не справедливы провозглашенные нормы, они могут соблюдаться или не соблюдаться. Даже самые прекрасные нормы справедливости не имеют большой ценности и смысла, если они не соблюдаются. По этой причине Ролз всерьез полагал, что лучше придерживаться приземленных принципов справедливости, но регулярно их осуществлять, чем придерживаться возвышенных принципов, которые неосуществимы. Второе имеет отношение к институциональному несовершенству всякого общественного взаимодействия. Теоретическое различие, которое подразумевается в этом разделении, есть различие между идеальной и институциональной социальной теорией. Война может быть, по своему, формально справедлива, если стороны придерживаются некоторых норм ведения, объявления и завершения войны. Такие нормы обычно существуют для войны, и война тем и отличается от иных, менее возвышенных форм массового насилия, что опирается на подобные нормы, составляющие ее природу и суть. Именно эти нормы придают войне ту возвышенность, о которой говорил Кант, и именно эта возвышенность войны все более и более оказывается утраченной.

Формальная справедливость составляла суть справедливости в понимании римлян. Это верно как по отношению римского права в целом, которое было справедливым только формально, будучи абсолютно несправедливым по содержанию⁸. Это верно также и по отношению римского права ведения войн. Известно, что римляне придерживались сложного порядка объявления и ведения войны. В ответ на всякую реальную или воображаемую обиду со стороны иного государства или народа должна была начаться сложная процедура, которая начиналась с предложения выплатить компенсацию и завершалась официальным провозглашением войны сенатом. Если процедура соблюдалась, а война велась в соответствии принятыми правилами, то она

⁷ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass., 1971. P. 47–52.

⁸ В том только смысле, что это право не служило задаче достижения «социальной справедливости», но только обеспечивало равенство перед законом.

считалась справедливой⁹. Никакой другой справедливости римляне не предполагали и не могли предполагать, учитывая, что никакой иной более высокой справедливости, кроме справедливости самих римских законов быть не могло. Вероятно, именно это обстоятельство легло потом в основание католического понимания справедливости, основанного на догмате непогрешимости Римского Папы, а потом в основание протестантского понимания справедливости, основанного на полномочии личной моральной воли. В этом и заключается одно из оснований современного западного понимания справедливой войны. Теория справедливости выполняет то же самое предназначение, что и римская процедура объявления войны. Освятив войну как справедливую, западный человек получает полное право ее ведения, и исключает все моральные сомнения, даже если эта война потребует крайних мер и нарушения принципов гуманности.

Процедурная справедливость, о которой тоже повествует Ролз, имеет немалое отношение к войне, и война часто оправдывается и сводится именно к этой разновидности справедливости¹⁰. На протяжении веков никакой иной процедуры для разрешения споров между суверенными государями просто не существовало, и потому война выступала в качестве единственной и высшей справедливости в отношениях между суверенными властителями. В ряде случаев это единственный смысл, в котором война может быть названа справедливым делом. Так, у Клаузевица, справедливость войны есть именно процедурная справедливость. Даже одно из определений войны, которое он приводит, есть ее определение как дуэли суверенных государей, только единоборства более значительного, массового и осуществляемого посредством подданных¹¹. Клаузевиц нисколько не сомневается в том, что просвещенные государи будут вести свои войны весьма приличным образом, а, следовательно, и справедливо.

Наконец, есть еще один смысл, в котором война может быть справедливой, и этот смысл соответствует еще одному смыслу справедливости, а именно легальной справедливости. Война может вестись в соответствии с законом, будь то закон страны или закон международного права. Поскольку закон некоторым образом олицетворяет собой справедливость, справедливость и законность нередко смешивают. В особенности это характерно для европейских языков, где закон часто понимается как воплощенная справедливость. Действительно, война велась и может вестись в соответствии с законом или в нарушение позитивного закона. Право объявления войны до недавнего времени оставалось главным суверенным правом всякого суверенного государства. Но при этом существовало и международное право, которое тоже явилось выражением воли суверенных государств, которое прописало и юридически закрепило правила ведения войны. Нарушение норм международного гуманитарного права противоречит закону и именно потому несправедливо. Дело вряд ли может

⁹ Подробное описание этой процедуры содержится у Кристофера. *Christopher P. The Ethics of War and Peace. The introduction to Legal and Moral Issues. 2nd ed. Upper Saddle River, New Jersey, 1999. P. 13*

¹⁰ *Rawls J. A Theory of Justice. P. 73–78.*

¹¹ *Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1934. С. 2*

обстоять обратным образом: несправедливо и потому незаконно. Нормы гуманитарного права создавались Анри Дюнаном не на основе принципов справедливости, но на основе принципов гуманности. Международный Комитет Красного Креста сознательно дистанцируется от соображений справедливости и отвергает теорию справедливой войны как несоответствующую принципам гуманизма. В мандате и миссии МККК ничего не говорится о справедливости

Имплицитные представления о справедливости в рамках современной теории справедливой войны являются неявными но не остаются неизменными. В процессе трансформации теории от Уолцера до наших дней выделились две основные парадигмы, которые различаются по способу понимания справедливости. В рамках первой из этих парадигм справедливость справедливой войны сводится главным образом к защите государственного суверенитета. Это парадигма самого Уолцера и многих других авторов, например, Фоушина¹² может быть обозначена как парадигма суверенитета. Следующий, новейший этап в развитии теории справедливой войны связан с возникновением, так называемой, парадигмы прав человека. Эта парадигма несколько иначе толкует смысл справедливой войны. Справедливость заключается уже не столько в поддержании суверенитета, сколько в защите прав человека по всему миру. Эта парадигма реализует концепт общей справедливости в соответствии с нашей классификацией¹³. Наиболее известными представителями этой парадигмы являются Макмахан, Ли, Оренд¹⁴. Я не придаю большого значения различию парадигм, полагая, что вторая парадигма с логической необходимостью выводится из первой. Но именно вторая парадигма довела до абсурда естественные противоречия первой и саму теорию до ее логического завершения. Теория справедливой войны предстала как милитаризм прав человека и тем самым обнаружила свое истинное содержание. Теория Макмахана не только меняет природу войны, она переворачивает военную этику с ног на голову. Поскольку «несправедливые комбатанты» не имеют даже права сопротивляться «справедливым», этика воина превращается скорее в этику палача или, в лучшем случае, международного полицейского¹⁵.

Война

Следующий вопрос, которые нам надлежит задать, есть вопрос о том, в какой степени война и в особенности война современная может быть справедлива в одном или нескольких вышеперечисленных смыслах. Проблема заключается в том, что принципы справедливой войны мешают разглядеть справедливость, к которой они призывают, подобно тому, как за лесом можно не увидеть деревьев. В принципе война может быть справедлива в одном или нескольких из вышеперечисленных смыслов справедливости. Возможно, она

¹² *Fotion N. War and ethics: a new just war theory. New York, 2007.*

¹³ Общая справедливость, как правило, означает навязывание и поддержание общего для всех глобального порядка посредством войны.

¹⁴ О развитии этой парадигмы см.: *Lee S.P. Ethics of War. An Introduction. Cambridge, 2012.*

¹⁵ *McMahan J. Killing in War. Oxford, 2009.*

часто и была справедлива во всех вышеперечисленных смыслах. Другой вопрос, может ли быть справедлива современная война хотя бы в одном из смыслов. Мой ответ на этот вопрос однозначен – не может. Современная война не может быть справедлива ни в одном из вышеперечисленных смыслов и вот почему.

Современная война не может быть выражением общей справедливости, хотя именно эта справедливость и лежит имплицитно в основе современной теории справедливой войны. То есть мы не можем представить себе такого идеологического или религиозного режима, который было бы позволительно навязывать при помощи войны. Это противоречит духу свободы, права и гуманности. Хотя желающих это сделать более чем достаточно. К их числу в равной степени принадлежат и американские неоконсерваторы и радикальные исламисты. Не может существовать такой идеологии, которую следовало бы осуществлять посредством вооруженного вмешательства. Этот вопрос был однозначно решен Кантом, который отверг войны подобного рода на том же основании, на котором он отверг претензии на создание всемирного государства. Еще раньше подобные претензии были отвергнуты самим духом Вестфальского мира в Европе (1648). Война по осуществлению общей идеологической или религиозной справедливости не может быть поддержана ни с позиции деонтологии, ни с позиции утилитаризма. Она может быть поддержана при помощи особым образом понимаемой теории естественного права, в особенности религиозной или квазирелигиозной его разновидности, но против такого понимания восстает здравый смысл и установившаяся практика общественного взаимодействия. Это не означает, что мы не можем стремиться к некоей глобальной справедливости в том или ином из многочисленных смыслов, широко обсуждаемых в настоящее время, но весьма сомнительно, что эту справедливость следует устанавливать посредством войны.

Война не может быть выражением частной справедливости в том смысле, что современная война не может осуществляться в качестве наказания одного суверенного государства другим. Эта позиция была полностью отвергнута уже в XVIII в., поскольку подобная справедливость была бы возможна исключительно при наличии общих для всех норм справедливости и общего для всех гаранта этих норм, что в принципе невозможно в международных делах. В противном случае, если каждый начнет наказывать других на свой страх и риск, то это и будет крайним выражением войны каждого против каждого, которая не приблизит нас к справедливости и не выведет международные отношения из природного состояния по Гоббсу. Но даже если бы такой гарант и такие нормы нашлись, война не может быть связана с принципом наказания еще и потому, что в ходе всякой войны неизбежно страдают невинные люди и наказание осуществляется не по адресу. Причем в современной войне это почти исключительно невинные люди. Более того, одной из главных тенденций современной асимметричной войны является тенденция ведения войны без потерь для одной из сторон асимметричного конфликта, но с большими потерями для иной стороны и с потерями, главным образом, для ее гражданских лиц. Можем ли мы всерьез говорить о наказании, в ходе которого страдают главным образом невинные люди и ставится под вопрос само существование

планеты и цивилизации на ней? Неуклюжие попытки некоторых из современных теоретиков справедливой войны подвести теоретическое обоснование под «пунитивную парадигму» справедливой войны недостойны даже названия философии¹⁶. Эти попытки не учитывают специфику современной войны, которая заметно отличается от войны с применением мечей и копий. Мы не можем наказывать народ Ирака за грехи Саддама Хусейна, испепелив инфраструктуру этого государства. Это не только не гуманно, но и контрпродуктивно, в чем мы смогли уже убедиться на примере бессмысленных, циничных и жестоких военных авантур в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии, многие из которых, действительно, были мотивированы чувством мстительной злобы демократического плебса. Наказаны были не только народы этих стран, но и народы Европы, испытывающие последствия волны беженцев.

Мы не можем рассчитывать на реализацию современной войной формальной справедливости, в данном случае не потому, что этому противятся более значительные нормативные принципы, но потому, что этому противится сама война¹⁷. Было бы желательно ограничить войны некоторыми формальными правилами, но современная война, к сожалению, их отвергает. Тенденцией современной войны является превращение ее в войну асимметричную, гибридную, абсолютную. Даже граница между миром и войной стирается, и по этой причине приобретают смысл такие выражения как экономическая война, идеологическая война и т. д. Можно утверждать, что в современном мире война не является более продолжением политики иными средствами, но, напротив, политика становится продолжением войны иными средствами. Так или иначе, при всей желательности формальных ограничений войны, было бы наивно рассчитывать на формальную справедливость войны в условиях трансформации войны. Это означает, что надежды на формальную справедливость войны необоснованны, поскольку современная война с легкостью отвергает любые формальные ограничения. Нам приходится иметь дело с деградацией самой войны, как деградацией ее формальных правил. Такая война уже практически не отличается от терроризма, геноцида, криминального насилия и иных менее возвышенных форм массового насилия.

Современная война не может более рассматриваться как война справедливая в смысле реализации посредством этой войны необходимой процедуры разрешения конфликта, даже если мы заведомо сумеем вести этот конфликт ограниченными средствами. Сами средства современной войны таковы, что они по своему существу отвергают принцип пропорциональности и различия и могут выйти из-под контроля. Это означает, что современная война, даже если она задумана как сдержанная и не имеющая никакой иной цели, как разрешение спора суверенных государств, напоминает в лучшем случае дуэль

¹⁶ Наиболее характерны в этом отношении усилия Орендса. *Orend B. The Morality of War*. New York, 2006. P. 38.

¹⁷ *Kashnikov B. The Disenchantment of Victory and Ethical Dilemmas for Military Leadership: Sovereignty, the Spell of War and Elusiveness of Victory // Military Ethics and Leadership / Ed. by P. Olsthoorn*. Leiden; Boston, 2017. P. 266–287.

в пороховом погребе, где наиболее вероятным последствием является не только гибель обоих участников дуэли, невинных пассажиров, но и всего корабля.

Можно было бы признать, что война может быть справедливой в смысле ее законности, если она провозглашается и ведется легитимной властью и без нарушения норм международного гуманитарного права. Это в принципе возможно и к этому следует всячески стремиться. Но есть другой смысл, который не позволяет рассматривать войну как выражение легитимной справедливости. Устав ООН поставил войну вне закона, оставив в качестве единственных исключений войну оборонительную и войну, осуществляемую на основании формального разрешения Совета Безопасности ООН, что, в свою очередь, может быть средством поддержания коллективной безопасности. Однако этот ограниченный смысл, при котором справедливая война может иметь место, не нуждается в специальном освящении посредством термина «справедливость». Вполне достаточно и того, что такая война является законной. Справедливость является слишком сильным эмотивным термином, который неизбежно приводит к злоупотреблениям. Голубые каски ООН не могут быть движимы идеями справедливости, но только идеями закона и беспристрастности, а если и справедливости, то не справедливости войны.

Но главная проблема заключается даже не в этом, а в том, что в теориях справедливой войны все эти возможные смыслы справедливости смешиваются и передергиваются как в калейдоскопе таким образом, что невозможно понять, что за справедливость имеется в виду в тот или иной момент. Чтобы избежать подмены понятий следует, как рекомендовал Витгенштейн, строго спрашивать: «Что конкретно вы имеете в виду?»

Теория

Теперь я перейду к характеристике тех оснований теории справедливой войны, которые можно условно сгруппировать вокруг слова «теория». Главным из этих начал является сама классификация нормативных концепций войны, которая неизменно принимается в качестве догмы во всех теориях справедливой войны, начиная с Августина. В соответствии с этой бесхитростной классификацией все нормативные воззрения на войну делятся на четыре группы: пацифизм, милитаризм, реализм и теория справедливой войны. Такая классификация основана на примитивной категориальной ошибке, характеристику которой дает философ языка Гиблерт Райл¹⁸. Ошибка проявляется на нескольких уровнях. Прежде всего, если уж мы сопоставляем эти четыре нормативных воззрения, они должны быть приведены к общему знаменателю. Как мы видим, только справедливой войне в этом списке позволено быть теорией, что, вероятно, отражает претензию справедливой войны на научный подход, в котором всем остальным отказано. Если мы сравниваем нормативные концепции, мы должны рассматривать их в качестве теорий или в качестве обыденных

¹⁸ Ryle G. The Concept of Mind, 1949. P. 18–23.

нормативных воззрений, иначе мы не можем их сопоставлять¹⁹. Здесь возникает проблема, поскольку абсолютный милитаризм не существует в виде теории и потому перевести его на теоретический уровень вряд ли возможно. Перевести все на уровень обыденной нормативности тоже невозможно, поскольку в этом случае мы теряем теорию справедливой войны, которая является теоретическим построением, но исчезает на уровне обыденного морального воззрения.

В чем состоит категориальная ошибка, почему исчезает, и куда девается теория справедливой войны, как только мы выводим ее из теоретического поля, можно объяснить следующим образом. Представим себе, что теория справедливой войны существует на уровне обыденной нормативности, а не в качестве исключительно теории, что, конечно, может и не противоречить ее теоретическому статусу. В этом случае возникает вопрос, как трактовать такую нормативность. В теории справедливой войны, главным образом благодаря Августину, существует убежденность, что теория справедливой войны размещается где-то на пересечении политического реализма и пацифизма. Это наивное представление, может быть, и годное для теории, не годится для обыденной нормативности. Реализм не является моральным воззрением, но является, строго говоря, аморализмом. Пацифизм же является моральным воззрением, основанным на неприятии войны и насилия. По этой причине ничего среднего между этими концепциями быть не может, и наивное представление о теории справедливой войны как аристотелевской разумной золотой середине между крайностями реализма и пацифизма не выдерживает никакой критики, поскольку среднего звена между аморализмом и морализмом быть не может. Реализм отвергает моральную составляющую войны полностью и бесповоротно, что не означает, что отдельные реалисты не могут придерживаться принципов морали. По этой причине моральную концепцию справедливой войны можно разместить только между моральными же концепциями, каковыми являются милитаризм и пацифизм. В этом случае все как будто встает на свои места и так, видимо, и есть на самом деле. Теория справедливой войны находится на пересечении континуумов пацифизма и милитаризма и именно это объясняет ее интуитивно очевидную двойственность. Теория справедливой войны может оправдывать войну, требовать священной войны и сливаться с милитаризмом или она может отвергать войну и подходить близко к пацифизму. В любом случае она колеблется между милитаризмом и пацифизмом.

Здесь потребуется краткое пояснение, что именно следует понимать под милитаризмом и пацифизмом с точки зрения нормативных концепций войны. Милитаризм неизменно определяется очень туманно. В действительности милитаризм – это точка зрения, которая рассматривает войну через призму более высоких моральных ценностей, таких как воинские добродетели, или общественное единение, или достижение высшей справедливости. Вот почему война с точки зрения милитаризма представляет собой инструментальную ценность, но не для достижения корыстных интересов государства, как в реализме, а для достижения высших моральных целей. Война рассматривается как зло,

¹⁹ Я полагаю что мораль может быть представлена на двух уровнях: обыденный и теоретический.

но зло, подобное горькому лекарству, которое следует превозмочь²⁰. Возможно, некогда и существовал абсолютный милитаризм (скажем, в сознании викингов), который рассматривал войну в качестве безотносительной ценности в себе. Но сейчас такую теорию мы называем садизмом, а ее сторонников помещаем в специальные лечебницы.

Пацифизм это точка зрения, которая отвергает всякую войну и насилие. Но в рамках пацифизма следует тоже разделять абсолютный пацифизм, пацифизм в чистом виде, который можно обнаружить разве что у Толстого и, так называемый, условный пацифизм. Условный пацифизм распространен куда более широко. Учение Ганди, к примеру, является условным пацифизмом. Насилие в условном пацифизме допускается в известных и строго оговоренных пределах, и все многообразие условного пацифизма есть многообразие запретов на насилие. Но при этом насилие не подлежит сравнению с иными моральными ценностями. Оно все равно остается высшим злом. Оно применимо исключительно с целью избежать еще большего насилия. Условный пацифизм ограничивает войну. В то время как милитаризм ее развязывает.

Теория справедливой войны паразитирует на этой темной и неопределенной зоне пересечения между нормативностью условного пацифизма и нормативностью милитаризма. Такой паразитизм возможен, поскольку милитаризм тоже не прочь взывать к миру (война во имя прекращения всех войн у Вудро Вильсона). Но, строго говоря, подлинный пацифизм и подлинный милитаризм не смешиваются, поскольку пацифизм отвергает инструментальную ценность войны, а милитаризм признает войну в качестве инструмента для реализации высших моральных ценностей. Теория справедливой войны не только осуществляет подмену понятий и пытается одновременно служить Богу и Мамоне, она делает это теоретически неуклюже. Мы можем исключить это среднее паразитарное звено между пацифизмом и милитаризмом за ненужность. Для этого нам понадобится «бритва Оккама», с помощью которой избавляются от лишних и вредных сущностей. Все полезное, что может сделать теория справедливой войны, может лучше и легче сделать условный пацифизм как на практическом, так и на теоретическом уровне. Все зло, которое идет от теории справедливой войны, есть зло милитаризма. Теория справедливой войны не только амбивалентна, она эклектична и вредна. Двойственная природа теории справедливой войны обозначила себя довольно рано, уже у ее основоположника – Августина, который создавал эту доктрину, чтобы она могла служить одновременно римскому милитаризму и христианскому пацифизму, Богу и Кесарю. Доктрина справедливой войны могла служить оправданием крестовых походов и могла, когда это было нужно, ограничивать войны христианских королей. Доктрина Августина не оказала заметного влияния на Православие, и по этой причине в русском языке и поныне сохраняется здоровый скепсис по отношению справедливой войне. Но самое главное, в современных условиях доктрина справедливой войны вообще не нужна, если только у нас есть развитое представление и теория условного пацифизма.

²⁰ Наилучший пример такого милитаризма: *Зомбарт В.* Торгаши и герои. Раздумья патриота. СПб., 2005.

При этом я не имею ничего против принципов справедливой войны. Все дело в том, что они совершенно пусты и могут с одинаковым успехом применяться как в условном пацифизме, так и в милитаризме, и даже реализме. Эти принципы, как всякие принципы среднего звена, приобретают некоторое содержание только в том случае, если они опираются на высший нормативный принцип. Подобный принцип Кельзен называл термином «Grundnorm». Высшая норма не подлежит обоснованию, принимается на веру и направляет все нижестоящие нормы, которые иначе просто повисают в воздухе²¹. В качестве такой предельной нормы может выступать либо общий принцип ненасилия, либо общий принцип отношения к насилию как инструменту для осуществления иных моральных ценностей, будь то религия или глобальный либерализм, которые становятся высшим принципом. С другой стороны, всякие принципы среднего звена возможны потому, что есть практика и институты на них опирающиеся. В этом смысле теория справедливой войны, конечно, опирается на разветвленную практику, но эта практика и есть институт современной войны, который вряд ли заслуживают освящения посредством моральной теории и который сам может подмять под себя любые невнятные принципы.

Оправдание войны

Как уже было отмечено, следует проводить различие между войной оправданной и войной справедливой. Условный пацифизм оправдывает насилие в известных пределах, но считает такое насилие несправедливым делом, даже если оно оправдано. Различие между насилием оправданным и насилием справедливым достаточно очевидно на обыденном уровне и может быть продемонстрировано при помощи примера из известного российского кинофильма. Желая разыграть своего приятеля, некий молодой человек забирается к нему в комнату под покровом ночи и угрожает игрушечным пистолетом. Но приятель, не зная о розыгрыше, достает из-под подушки настоящий револьвер и убивает своего приятеля на месте. Такое убийство можно назвать оправданным, но вряд ли можно назвать справедливым. Справедливость претендует на объективность и более высокий моральный статус по сравнению с простой оправданностью. Но современная война не заслуживает этого статуса. Даже оправданная война не может быть справедливой, поскольку ее последствия непредсказуемы. Оправданная война – это в лучшем случае война «со слезами на глазах», поскольку сохраняет представление о возможной оправданности войны противника и ограниченности своих притязаний. Но самое главное, в случае оправданной войны мы сохраняем понимание ее высшей несправедливости. Справедливая война – это война торжествующего насилия и унижения противника. Строго говоря, справедливая война – это инструмент самой войны. Это средство идеологического воздействия, как на собственных солдат, так и на солдат противника. В современных войнах, дополнительные преимущества получает тот, кто умеет представить свою войну в качестве

²¹ Kelzen H. Pure Theory of Law. Berkeley and Los Angeles, 1967. P. 47.

справедливой, а войну противника в качестве несправедливой. Вот почему в современных западных военных академиях с таким рвением принялись преподавать теорию справедливой войны. Но это и есть то жало милитаризма, которое следует вырвать.

Теория справедливой войны несет в себе вред еще по той же самой причине, по которой может нести вред теория справедливого убийства. Хотя убийство может быть оправдано, и мы, в принципе, можем представить все случаи, которые могут быть восприняты судом в качестве достаточного оправдания, мы не можем торжественно провозгласить принципы справедливого убийства и предоставить возможность действовать в соответствии с ними. Существует презумпция виновности для всякого, совершившего убийство. Все обстоятельства этого убийства должны рассматриваться судом в качестве уникальных обстоятельств. Ни один кейс, наподобие многочисленных кейсов с тележками, не может служить гарантией оправдания в суде и гарантией справедливости. Никто не может и не должен быть уверен, что будет оправдан на основании только принципов своей субъективной воли. Так же обстоит дело с войной, которая представляет собой убийство массовое. Тем не менее в ряде случаев война может быть действительно оправдана. Нет необходимости создания специальной доктрины оправданной войны, она уже существует. Это доктрина условного пацифизма и один из его вариантов – доктрина оборонительной войны. Я полагаю, что субъективно оправданной войной может считаться исключительно война оборонительная. Я не изобретаю здесь ничего нового, но только повторяю забытые положения устава ООН, который был создан задолго до создания современной теории справедливой войны. Действительно, мне могут возразить, что большинство агрессивных войн тоже оправдывались необходимой самообороной. Это так. Но все же самообороной труднее злоупотреблять, чем справедливостью и ее пределы более очевидны. Во всяком случае, если нам и нужна моральная теория войны, то это должна быть теория пределов необходимой самообороны. Такая теория должна быть рассмотрена как разновидность теории условного пацифизма. Уже одно то, что мы смогли избавиться от идола «справедливой войны» следует рассматривать как достижение.

Заключение

Тот интуитивный скептицизм, который мы обнаруживаем в русском языке в отношении возможности справедливой войны, имеет серьезные основания. Действительно, современная война не может быть справедливой и не может вести к торжеству справедливости. Это означает, что у теории справедливой войны нет достаточного предмета. Сама же теория справедливой войны есть теория излишняя и вредная, поскольку все ее морально значимое содержание может быть исчерпано теорией условного пацифизма. Все зло, которое может проистекать от этой теории, есть зло милитаризма, прикрытием и формой выражения которого теория справедливой войны является. Должен заметить, что моя критика теории справедливой войны, по всей вероятности, является излишней и избыточной. Теория, скорее всего, канет в небытие так же внезапно,

как она возникла уже в ближайшее время. Триумфальное шествие этой теории связано с уникальной военно-политической ситуацией – появление и существование единственной супердержавы. Вряд ли есть смысл рассуждать о справедливой войне при наличии двух держав, способных уничтожить друг друга и имеющих разные представления о справедливости. Вот почему я хотел бы, чтобы мои соотечественники не увлекались чрезмерно теорией справедливой войны. Не стоит менять первородство на чечевичную похлебку.

Список литературы

- Гусейнов А.А.* Справедливость // Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апреяна, А.А. Гусейнова М.: Гардарики, 2001. С. 457–460.
- Зомбарт В.* Торгаши и герои. Раздумья патриота. СПб.: Владимир Даль, 2005. 656 с.
- Клаузевиц, К. фон.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. 649 с.
- Buchanan A.* Justice as Reciprocity Versus Subject-Centered Justice // *Philosophy and Public Affairs*. 1990, № 19. P. 227–252.
- Christopher P.* The Ethics of War and Peace. The Introduction to Legal and Moral Issues. 2nd. ed. Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 1999. 288 p.
- Fotion N.* War and Ethics: a New Just War Theory. New York: Continuum, 2007. 178 p.
- Kashnikov B.* The Disenchantment of Victory and Ethical Dilemmas for Military Leadership: Sovereignty, the Spell of War and Elusiveness of Victory // *Military Ethics and Leadership* / Ed. by P. Olsthoorn. Leiden, Boston: Brill, Nijhoff, 2017. P. 266–287.
- Kelzen H.* The Pure Theory of Law. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. 358 p.
- Lee S.P.* Ethics of War. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 342 p.
- McMahan J.* Killing in War. Oxford: Oxford University Press, 2009. 264 p.
- Orend B.* The Morality of War. New York: Broadview Press. 2006. 289 p.
- Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971. 560 p.
- Ryle G.* The Concept of Mind. London, New York: Hutcheson's University Library, 1949. 336 pp.

Just War Theory: The Critique of the Foundations

Boris N. Kashnikov

National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: bkashnikov@hse.ru

The article contains investigation and critique of the foundations of the contemporary just war theory. The foundations are culture specific and do not possess the necessary character traits of the universal ethical theory. The major theses of the article are the following:

The contemporary war cannot be just, but can be justified.

The contemporary just war theory is based on the concept of general justice, which by definition presupposes aggression and interference in the internal affairs of sovereign states.

The just war theory should be regarded not as a normative conception of war in its own right, but as an eclectic hybrid of militarism and pacifism, endowed with all the features of a “redundant entity”.

The only possible justification of the contemporary war may be related exclusively to the necessary self-defense.

Keywords: war, just war theory, Walzer, justice, militarism, pacifism

Reference

Buchanan, A. "Justice as Reciprocity Versus Subject-Centered Justice", *Philosophy and Public Affairs*, 1990, no. 19, pp. 227–252.

Christopher, P. *The Ethics of War and Peace. The introduction to Legal and Moral Issues*. 2nd ed. Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 1999. 288 pp.

Clausewitz, K. von. *O voine* [On war]. Moscow: Gosvoenizdat Publ., 1934. 649 pp. (In Russian)

Fotion, N. *War and Ethics: a New Just War Theory*. New York: Continuum. 2007. 178 pp.

Guseynov, A.A. "Spravedlivost" [Justice], *Etika: Enciklopedicheskij slovar'* [Ethics: Encyclopaedic dictionary], ed. by R.G. Apressyan, A.A. Geuseynov. Moscow: Gardariki Publ., 2001, pp. 457–460. (In Russian)

Kashnikov, B. "The Disenchantment of Victory and Ethical Dilemmas for Military Leadership: Sovereignty, the Spell of War and Elusiveness of Victory", *Military Ethics and Leadership*, ed. by P. Olsthoorn. Leiden, Boston: Brill, Nijhoff, 2017.

Kelzen, H. *The Pure Theory of Law*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. 358 pp.

Lee, S.P. *Ethics of War. An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 342 pp.

McMahan, J. *Killing in War*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 264 pp.

Orend, B. *The Morality of War*. New York: Broadview Press. 2006. 289 pp.

Rawls, J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971.

Ryle, G. *The Concept of Mind*. London, New York: Hutcheson's University Library, 1949. 336 pp.

Zombart, V. *Torgashi i geroi. Razdumja patriota* [Merchants and heroes. The contemplations of a patriot]. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2005. 369 pp. (In Russian)